

Иго

Татарский роман

Книга первая

Раср Тази

12+

Раф Гази

Иго. Татарский роман. Книга 1

«Автор»

2013

Гази Р.

Иго. Татарский роман. Книга 1 / Р. Гази — «Автор», 2013

ISBN 978-5-532-11093-9

Действие романа, названного его автором Рафаэлем Миргазизовым татарским, охватывает весь XX век. Исторические вставки отправят читателя в век XII, в эпоху становления и могущества Татарской цивилизации. Наряду с историческими персонажами — Чынгызханом, Батыем, Кул Гали — в романе будут действовать и вымышленные лица. География тоже довольно обширна: Казань, Москва, Сибирь, Украина, Средняя Азия — словом, все регионы, где живут татары. А татары живут везде. Книга обращена не только к этническим татарам, но и к тем, кто относит себя к наследникам Золотой Орды и Российской империи — ибо все мы дети одной Великой Евразийской цивилизации.

ISBN 978-5-532-11093-9

© Гази Р., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	8
3	10
4	12
Летопись Ханифа	15
Глава 2	22
1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1

1

Горловка образца 1958 года зовсім не та Горлівка, яку вы знаете, хлопці.

Горловка образца 1958 года, щоб ви знали, утопала вся в черной грязи и угольной саже. Вся жизнь в сим сером, но веселом северо – восточном украинском городке была связана с добычей угольного камня. Помимо нескольких шахт горловчане имели шикарный кинотеатр «Шахтер», трамвайное депо «Шахтовое», газету «Кочегарка», и даже центральная городская помывочная, и то называлась «Шахтерская».

Главные коммунаки надрывно кричали из Московского Кремля «давай угля», хоть мелкого, но много.

Однако угольком в Горловке промышляли еще до Советов, при императоре, при царе – батюшке незабвенном Александре III и при Николае II, конечно, тожеж. Городок так наречен был в честь горного инженера Горлина, благодаря радению которого в густых придонских ковылях раскопали первое крупное угольное месторождение. Хотя по-мелкому горючий камешек из черноземной глинистой почвы украинско-половецкой степи начали выковыривать еще запорожские казаки, теснимые набиравшей силу агрессивной Московией с востока и теряющим былое могущество Крымским ханством с юга.

Но если быть справедливым и точным, то пальму первенства (в части строительства городка и шахт, а не в части угольных разработок), то ее, эту пальму, беспрекословно нужно водрузить на кипу еврея Полякова. И городок то, по чести, следовало назвать не Горловкой, а Поляковкой. Ежели бы не огромные капиталы железнодорожного магната и банкира Самуила Соломоновича, вложенные в угольное дело, никакой Горловки и в помине бы не было. Именно коммерции советник Поляков, имевший к тому же попутно чин советника тайного, заложил «Корсуньскую копи N1» и сам город, построив железнодорожный вокзал, питейные заведения, фотосалон Элинсона, Горное училище, клуб-театр, церковь Святого Макария Египетского и бог весть еще что. Даже про синагогу не забыл многомудрый сын богоизбранного народа.

А вот про мечеть забыл. Может, и не забыл, просто подумал – а на фига в Горловке мечеть! Татар и прочих басурман при царе по различным разнарядкам и комсомольским путевкам, как при коммунистах, на шахты ведь еще не загоняли. Мусульмане здесь, если и обитали, то в невеликом количестве, так что, извиняйте, братья-басурмане, мечеть в Горловке была как бы ни к чему. И потом, все равно бы ее позже большевики порушили, так же, как порушили церковь и синагогу.

Тем паче, что в Горловке в 1932 году побывал один из главных «большаков» – кремлевский долгожитель, пересидевшей всех остальных главных «большаков», включая самого усатого и наиглавнейшего. Как вы догадались, то был Лазарь Каганович, разумеется, это был он, собственной персоной.

Кому там быть во времена лютого голодомора, если не ему!

Какая нечистая сила забросила этого красноперого комиссара в этакую глухомань? А я доложу вам, что Горловка тогда никакая была не глухомань, а совсем даже наоборот. И Лазарь Моисеевич посетил сей богатый недрами населенный пункт на предмет рассмотрения его в качестве столицы всего Донбасского каменноугольного края. Но когда краснопузый комиссар утопил свой до блеска начищенный сапог в густой горловской жиже, он в сердцах чертыхнулся «В такой чертовской грязи столицы быть не должно» – и был таков.

И столицу учредили в другом шахтерском городке, чуть севернее, а именно – в Юзовке, тогда уже переименованной в Сталино, а нынче достойно несущей имя Донецк.

Сколько уже было на Донбассе, как позже пел поэт, «взорвано, уложено, сколото» черного, надежного золота! Не счесть! Миллион вагонов и миллиард маленьких тележек! А объемы добычи, претворяя решения ВКП(б) и КПСС, от пятилетки к семилетке продолжали наращивать. Дошло до того, что начался сухостой. Запасы воды в местных водоемах иссякли, а вода – основной компонент технологического процесса добычи угля, без воды на шахте не туды и не сюды... Короче говоря, было решено прорыть рукотворный чудо-водоканал Северский Двинец – Донбасс...

Вот какие грандиозные исторические события переживала Горловка в том далеком 1958 году! А теперь, когда мы о них узнали, обратим свой пытливый взор на двух гарных хлопчиков, торжественно вступивших на деревянный тротуар с раздумянными лицами из упоминаемой нами уже центральной помывочной «Шахтерская».

Сообщим сразу, хлопчики эти гарные к трудолюбивому племени шахтеров никакого отношения не имеют, и проживают они вовсе не в Горловке, а в Пантелеймоновке, что в 15 верстах отседова. Именно в этом ПГТ, то есть поселке городского типа, дислоцировалась их ПМК, то есть передвижная механизированная колонна. Как уже смекнул догадливый читатель, парни работали на легендарном канале Северский Двинец – Донбасс, и относились к другому трудолюбивому племени – водителям землеройно-транспортных машин, проще говоря, механизаторам.

А что они тогда делают в Горловке, возможно, спросит кто то. Что за вопрос? Как это что, как это что! А на людей посмотреть, а себя показать? А попариться в настоящей «Шахтерской» баньке, славящейся на всю округу своим знатным парком. Да с березовым веничком! Да с холодным пивком!

Благодище то какое, лепота... А вы спрашиваете, что делать в Горловке?

Давайте лучше навострим уши и послушаем наших славных землеройцев, взявших курс напрямик к ресторану... К какому? К какому, какому, ну, конечно же, к «Шахтеру», к какому же еще! О чем они гутарят? Если напряжем свой слух, то вот какой диалог можем услышать:

– Ну, как парок, Жека?

– Зашибись, Мишель.

Здесь автор вынужден остановить свое повествование, дабы сделать одно существенное пояснение.

Возможно, некоторые из читателей начнут возмущаться: «Фи-и! А зачем нам нужны ваши вступления, отступления и пояснения? Выпускайте поскорей на авансцену настоящих героев книги! Не успели они сказать пару слов, как им тут же заткнули рот. Мы ждем действий, развития сюжета».

Ну что автор может ответить на сию гневную тираду? При всем уважении к читателю – а кого уважать писателю, если не читателя, если читателей не уважать, то их, пожалуй, и вовсе не будет, зачем тогда вообще писать?.. Но при всем уважении к читателю, автор желает с ним все же не то чтобы поспорить, а просто просит набраться терпения...

Ведь романы, большие, настоящие, толстые романы так скоро не пишутся. Это ведь вам не рассказик какойнибудь, и даже не повестюшка, а – роман. Понимаете, роман! Причем, татарский. А значит, многослойный, как татарская губадья, глубокий, как татарская надежда и растянутый в пространстве и времени, как татарская тоска. Поэтому здесь надо все тщательно обдумать, осмыслить, обсосать. А что касается экшна, то есть движения и захватывающего сюжета, криминального, любовного да какого вам угодно – всё это непременно будет, автор обещает, только нужно набраться немножечко терпения.

Итак, продолжим.

Вы слышали, друзья мои, что наших героев зовут Жека и Мишель. Но я хочу доложить вам, что никакие они на самом деле не Жека и не Мишель. И даже не Женя и не Миша. И

даже не Евгений и не Михаил. А кто же они? Жинтарас и Мардан – вот кто. Так их папа с мамой нарекли, на своей малой родине, одного – в Вильнюсе, другого – в Казани. Но здешнему уху, такие имена, как Жинтарас и Мардан, непривычны, хотя на канале народец собрался в основном пришлый.

Вот эта «нездешность», может быть, и сблизила ребят. Оба они были представителями, так сказать, пограничных культур, один – околоевропейцем, другой – околୋазиагом, в том смысле, что их историческая Родина находилась где то рядышком с «настоящей» Европой и где то вблизи «настоящей» Азии.

Не знаю, как Жинтарас, но Мардан стеснялся своего имени, и сам спешил представиться «Я Миша», быстро протягивая незнакомцу свою жесткую, густо пропитанную соляжкой ладонь. А его литовского дружка все сразу стали кликать «Жекой», да никто бы на стройке и не выговорил это мудреное имя «Жинтарас». А Жека – просто и понятно. Жека быстро привык, и не обижался.

С Марданом было сложнее. Попробовал бы он сказать «я Мардан», – его тут же бы окрестили «Мордой». А некоторые злобные элементы при этом непременно добавили бы «татарская». Как вам это нравится – «татарская морда»? Вот то то и оно...

Зная горячий характер Мардана, можно с уверенностью утверждать, что услышав это обидное «погоняло», он тут же кинулся бы в драку. Завязалась бы потасовка, до поножовщины могло дойти, – на канале народ собрался дерзкий, кипячной. А Мардану по фиг, что ты кипячной – он сам такой кипячной, что кипячнее всех кипячных! И сколько вас там трое или дюжина, с фомкой вы али с кастетом – ему это тоже по барабану. Против лома нет приема – вот когда начнется настоящий сабантуй...

Потому мудрые хохлы вопрошают «А воно тоби треба?» В том то и дело, что не треба. А мудрые кацапы предупреждают «Не буди лихо, пока оно тихо». Посему, пораскинув своей татарской башкой, Мардан стал везде представляться «Мишой», это уже Жека на свой манер прозвал его «Мишелем», больше никто так Мардана на стройке не называл.

Впрочем, Мардан вполне сходил за Мишу, а после того, как отрастил висячие запорожские усы, – и за Михася. Больше даже на Михася, чем на Мишу, правда, лишь до той поры, пока не раскрывал рот – его неистребимый акцент «айдагез к девошклар!» сразу выдавал его с головой. Несмотря на это, «бендеровцы», приехавшие на водоканал из Львовщины, предпочитали именно это имя Михась, на которое Мардан тоже охотно откликался. Его далекие болгаро-половецкие предки, между прочим, когда то в древности обитали и в этих придонских степях.

2

Наши герои, имеются в виду машинист скрепера 3 разряда Мардан Рыстов и его коллега, тракторист 3 разряда Жинтарас Чеснаускис, тщательно изучали ресторанное меню. Вернее, тщательно изучал меню только Жинтарас, а Мардан свой выбор уже сделал.

Выбор был не оригинален:

– В убщим так, бурщ украински, кутлет киевски, вутка стулицный... э-э, грамм..

– Двісті, – подсказал долговязый официант с черной бабочкой на белой рубашке и со свежей салфеткой на изогнутой руке.

– Тущны, двисти, – подтвердил Рыстов.

Официант быстро записал заказ в блокнотик и повернулся к Чеснаускасу.

– А чшто такое деруни? – с заметным прибалтийским акцентом поинтересовался Жинтарас.

– Що такэ деруни? – дружелюбно улыбнулся официант. – Це картопляни млинци.

– Чшто, чшто? – не понял литовец.

– Оладки картопляни. Це наша фирмова страва.

– Как... кая отрава? – испугался Жинтарас.

– И-и, ни отрава, инде, а блинчики из картушки, – догадался Мардан. – Шту син, малай, ни понил шту ли? Вруди наша кыстыбый, а бульбаши называют dranka.

Официант утвердительно кивнул и, продолжая улыбаться, уточнил:

– Деруни з грибною пидливою або з подчеревкою? Чого хочите?

Увидев вытянутые в недоумении лица «хлопчив з водоканалу», – официант наметанным глазом сразу определил социальный статус своих клиентов, – человек с черной бабочкой наконец сжалился над ними:

– Добре, хлопчики, шуткую я. Бачу ви не мисные, украинской мови не розумиетэ, ось и ришив трохи пошутковать. А ви, хлопци, на канале робитэ?

– Ни-и, мы тута... эта... прuezдым, – соврал Мардан, хотя плохо очищенные от строительной грязи сапоги и висающие в гардеробе промасленные фуфайки прямо свидетельствовали об их причастности ко Всесоюзной комсомольской стройке Северский Двинец – Донбасс.

Жинтарас выбрал таки деруни с подчеревкою – картофельные оладьи с салом, прореженным мясными прослойками. Когда словоохотливый официант ушел выполнять заказ, Жинтарас набросился на друга с расспросами:

– Ми же на канале работаем. Патчему ти его обмануль?

– Птамушта. Посли узнаиш.

– А у тебя тотчна деиньги есть?

– Тущны, тущны, – заверил Мардан, обещавший другу взять все расходы на себя.

– Многа-а их?

– Хватит нам на дваи-их, – дурашливым голосам пропел Мардан и добавил: – Минем окщам хуть кут блян щайня!

– Чштот-та я не пониял, – беспокожно заерзал на витом стуле с высокой спинкой Жинтарас.

– Мин айтам – я говорю, динег мно-ога.

– А-а, – успокоился литовец. – Пуйку!

– Нарся, нарся – что, что? – не понял теперь татарин.

– Я гаварю, карашо!

Беспокойство Жинтараса имело законное основание. На канале перестали выплачивать зарплату. Нет, деньги, конечно, платили, но какие это были деньги? По сравнению с тем, что платили раньше – это были какие то жалкие гроши, просто курам на смех. Да и ждать их при-

ходило по два-три месяца. А Жинтарас завербовался на стройку с целью «зашибить большую деньги», чтобы обустроить потом собственную ферму. Экономя на всем, он каждую свободную копейку откладывал и отправлял домой в Литву.

Жинтарас знал, что друг его Мардан тоже слал какие то денежные переводы своей матери – вдове фронтовика. И не только ей одной (в скобках заметим, осталась в Казани одна зазноба, о которой Мардан начал сильно тосковать). По началу на канале платили такие деньжища, что многие молодые хлопцы чесали репу, а что с ними робить? Солить что ли!

Мардан жил на широкую ногу. В то благословенное времечко, когда в карманах водились еще «шалені гроші», в выходные дни «хлопцы з водоканалу» ездили в большие города малость прибарахлиться да чуток покуражиться (чего уж там греха таить, что было, то было). Причем, ездили не в Горловку и даже не в Сталино (даром, что оно прозывалось столицей всего Донбасса), а в «Харькив» – вот где был настоящий столичный град. О какие шикарные в Харькове были рестораны, какие дорогие модные универмаги! Отвалив едва ли не месячную зарплату, Мардан прикупил себе пару рубашек, носки-трусы, стильный свитерок с изображением оленей и великолепный костюм – тройку из плотного синего сукна. И тут же облачившись в него, отправился обмывать обнову в кабак.

А когда Мардан проснулся на следующее утро на жестком деревянном топчане рабочего общежития в Пантелеймоновке и разодрал с похмелья свои заплывшие зенки, то не увидел ни одной вновь приобретенной покупки. Забыл в вагоне электровоза. Экая досада... Впрочем, какие все это мелочи! Бывают в жизни огорчения, вместо хлеба ешь печенье. Главное, костюм, дорогуший синий костюм-тройка – «мечта дипломата» – никуда ведь не делся, пропасть костюм мог разве только вместе с Марданом, поскольку Мардан в нем, видите ли, как загулявший гусар, изволил почивать! Правда, на его левом борту красовалось большое жирное пятно – след ресторанного похода. Костюм был безнадежно испорчен – что его обратно в Харьков в химчистку теперь вести? Себе дороже.

Но Мардан горевал не долго. Точнее, не горевал вовсе, не в его вольной широкой натуре было убиваться по тряпкам. Что он, футсен какой али фармазон?

Нет и нет! Мардан Рыстов – скреперист 3 разряда комсомольской ударной стройки Северский Двинец – Донбасс! А это вам не халам-балам, скреперист 3 разряда – это звучит гордо.

Так, в новом костюме, не переодеваясь в грязную робу, Мардан отправился заводить пускач своего железного коня. Можете представить картинку: небритый механизатор в синей тройке с концертной бабочкой за рычагами грозно урчащего С-80? Весь канал укатывался со смеху.

... Мардан добивал остатки водки, закусывая киевской котлетой, а Жинтарас потягивал мадеру – водку он не пил. Друзья мирно беседовали.

Чтобы не засорять великий и могучий татаро-литовским акцентом, дальнейшие диалоги в ресторане «Шахтер» автор романа постарается передать в изложении. Хотя в виртуозных выражениях Рыстова и Чеснаускиса легко угадывался даже не акцент, а вполне самостоятельный диалект русского языка, такой же как, скажем, своеобразный говорок южноуральских казаков или местное наречие северных поморов (Прим. 1). И все же, чтобы не затруднять понимание, автор постарается адаптировать корявую речь персонажей романа к современным языковым нормам. И впредь к языку оригинала прибегать лишь в исключительных случаях.

3

Редкий литовец долетит до канала Северский Двинец – Донбасс. Жинтарас долетел, но сейчас, кажется, жалел об этом.

Литовец признался другу, что хочет уехать домой. Стройка подходит к концу, заработки упали, и лично ему, Чеснаускису, всё по чесноку, ловить здесь больше нечего. Кое-какой капитал он уже сколотил, пусть не такой, на какой рассчитывал, но на пару коров, пяток хрюшек, небольшую стаю уток хватит.

– Ты скотину купишь, а калхуз заберет, – мрачно предрек Мардан.

– Черта им! – разгорячился обычно спокойный и выдержанный Жинтарас. – Я на хутор отселюсь.

– У тебя же бронь, тебя не отпустят со струйка.

– Кто их будет спрашивать! Сказал уйду – значит, уйду, – литовец был настроен решительно.

Честно говоря, Мардан тоже уже давно подумывал о том, как ему слинять с водоканала. Не только подумывал, но и предпринимал конкретные шаги. Сдёрнуть со стройки он хотел с помощью... военкомата. Это сейчас всем фиолетово, служил ты в армии или нет, пожалуй, престижней даже откосить от армии, поскольку сегодня «священный долг» мачехе-Родине отдают лишь одни законченные лохи. А в те суровые и жестокие, но в чем то и чистые годы, получить «белый билет», если ты не футсен или фармазон какой, было большим несчастьем. Ни одна уважающая себя девка с тобой на одном гектаре и... кушать бы не села.

Мардан по-тихому прошел с осенним призывом медкомиссию. Его, как механизатора, приписали к танковым войскам, объявили номер команды, приехали уже и «покупатели»...

Но фокус не удался – в последний момент позвонили из Горловского управления водоканала и, козыряя бронью, отозвали своего работника обратно на стройку...

– А ты где живешь тама в своей Литве? – нарушил тягостное молчание Мардан.

– О, это есть отчень красивое место, – оживился Жинтарас, – хутор Данилюшко под Таркае. Когда то это была столица свободного государства Литва, – литовец сделал особое ударение на слове «свободный» и продолжил: – Слушай, друг, тебе это будет интериесно, у нас в Данилюшко есть гора, Татарский курган называется.

– Вай-хай! – удивился Мардан. – А здеся в Пантелеймоновке есть Байская гора, ее тоже называют Татарская. Эта что же и тама, и тута татары жили?

– Насчет тута не знаю, а в Таркае тогчна жили, и сейчас живут. Старики говорят, что раньше в Таркае и мечеть стояла, рядом с костёлом.

– И много у вас татар?

– Много, их у нас называют липки, у нас еще евреи и поляки живут.

– Как мои земляки татары-липкилар у вас поживают, никто не обижают?

– Нет, их уважают, – заверил коренной таркаец, – они отчень хорошо работают, у них большие красивые дома, скромные девушки. Липки – грамотный и образованный народ. Они даже имеют свой собственный нобелевский лауреат – писатель Генрих Сенкевич. Правда, он уже умер давно, и книжки писал, кажется, по-польски.

Мардан – казанский городской хулиган из ягодного оврага, – разумеется, ничего не слышал об Альфреде Нобеле, да и фамилия Сенкевич звучала как то не по-татарски. Но все равно паренек выпрямил спину и расправил плечи, переполняясь гордостью за своего знаменитого соплеменника.

Его гордость была бы еще полнее, если бы кругозор ФЗО-шника с семилетним образованием был чуточку шире. Тогда он мог бы знать о том, что таких знаменитостей, помнящих свои татарские корни, но забывших родной язык и культуру, пруд пруди в истории любого

государства, тем более российского. Карамзин, Чаадаев, Аксаков – список можно плодить до бесконечности[1]

Мардан заказал еще «двисти» водки, а Жинтарас – еще одну бутылку Мадеры. Не многовато ли будет, друзья? Автор, конечно, мог бы воспользоваться своим писательским правом и отправить их первым проходящим поездом в Пантелеймоновку. Но тогда бы он нарушил законы постсоциалистического реализма. Посему автор делать этого не будет – увы, писатель не так уж и всемогущ, порой он даже просто бессилён, и никак не может повлиять на поступки своих героев. Иногда писателю остается лишь внимательно за ними наблюдать, к чему и тебя призываем, дорогой читатель.

Знамо дело, что после таких возлияний наших друзей потянуло на подвиги. На подвиги, слава богу, пока вполне мирные, проявляемые сугубо, так сказать, на любовном фронте.

Мардан все чаще стал поглядывать на соседний столик, за которым одиноко сидели две гарные дивчины явно скучающего вида. Девушки были одеты по последнему писку моды. Черная демонстрировала прилегающий лиф, откровенно обнажающий большую мягкую грудь. А рыженькая невинно болтала ножкой в красной туфельке, соблазнительно выглядывавшей из под ее пышной черной юбки.

Красотки тоже стали постреливать намалеванными глазками в сторону парней. По правде говоря, «стреляли» они больше в Жинтараса – голубоглазый блондин с простым открытым лицом показался им, видимо, легкой добычей. Мардан был пониже ростом, но более коренастый, его карие глаза блестели озорным огоньком, желваки нервно играли на скулах, выдавая серьезность его намерений.

Несмотря на свой еще довольно скромный любовный опыт, Мардан знал, что внешние данные – не главное в нелегком искусстве покорения капризного дамского сердца. Нет, мужская выправка и стать, безусловно, играют свою роль, но нужно и что то другое. Что именно? Напор и страсть. Щедрость и великодушие. Уверенность и сила. Однако это должна быть не тупая упертость разгоряченного быка, а мягко обволакивающая мощь благородного тигра. Хотя, если честно, на тигра Мардан похож был мало, скорее, на взъерошенного волчонка.

– Рыжая – моя, а ты займись черненькой, – предложил Мардан другу.

– Лиетувайтес – ура гражѣс! – как то не к месту проявил свой местечковый патриотизм захмелевший Жинтарас.

– Переведи-и, – Мардан от нетерпения даже икнул.

– Литовские девушки – самые красивые!

– А-а, ну, наши казанские кызлар тоже нищаво, бик та матур, – Мардан не хотел уступать Жинтарасу в патриотизме, однако, бросив взгляд на красную туфельку и облизнув губы, не мог не заметить: – Хотя, знаешь, что я тебе скажу, дускаем, хохлушки тоже... эта... как его... дюже гарны! – с трудом подобрал он нужный эпитет.

– Да это просто кабацкие лярвы, – попытался сдержать любовный зуд друга Жинтарас.

– А нам татарам лишь бы даром! – весело воскликнул Мардан и хищно заиграл желваками.

– В том то и дело, что даром они не дадут.

– А это мы будем еще посмотреть, – Мардан подкрутил свои запорожские усы и принял боевую стойку.

Он готов уже был ринуться в бой, как его остановил подошедший к столику официант:

– Ну шо, хлопцы, скоро и нам – по коням. Платити будемо?

– А як же, – подтвердил Мардан и в широкой пьяной улыбке оскалил свою хищную волчью пасть. – Только, браток, принеси еще пачку «Беломор – канала»... Подожди, две пачки, для моего кореша тоже. И еще: бутылку шампанского вот этим девощкалар, от нашего стола, так сказать, вашему.

– Добре, – сказал официант и побежал за шампанским и папиросами.

4

Выскочив из ресторана, Мардан с Жинтарасом зашлепали сапогами по грязи, едва успев заскочить на подножку трамвая, уходящего по маршруту «Шахта № 5 – Ж/д вокзал».

Беглецы уселись на задних сиденьях полупустого вагона, и Жинтарас тут же принялся стыдить своего друга:

– Ты патчему меня обмануль, чшто у тебя деньги есть!

Мардан лишь криво усмехался.

– Как ти не боялся, нас же могли задерживать!

– Не боись, за все уплачено! – беспечно отмахнулся Мардан.

– Уплачено? А затчем ми тогда бежим? Патчему ти меня заранее не предупредил?

– А зачим? Щтоб ты сидел и бздел? Нищава, ни обидниют, они, эти ушлые официанты, своё еще возьмут.

Немного поостыв и успокоившись, Жинтарас уже другим, дружелюбным тоном, в котором чувствовались даже нотки восхищения, обратился к другу:

– А ти, Мишель, молотчик! Принесит – тэ пачку папирос... ха-ха-ха, – не удержался он от смеха. – Нет, две... Для моего кореша тоже... ха- ха-ха... Я еще подумаль, я же не курю, затчем мне папироси... ха-ха-ха!!! ха-ха-ха!!! – увлек он своим нервным смехом и Мардана. – И еще шампанского для дефчонков... ха-ха-ха!!! – ой мамотчки! Я не могу!.. ха-ха-ха...

Друзья гоготали на весь вагон, и лишь завидев беспокойный взгляд то и дело оборачивающегося на них вагоновожатого, затихли.

– Ловко ти их надуль! Я бы так не смог, – отдышавшись, резюмировал Жинтарас.

... Электровоз «Сталино – Красный Лиман», на котором ребята собирались добраться до Пантелеймоновки, приходил только через час. Конечно, можно было пойти и пешком, – так даже, может быть, было и безопасней, но три часа ночью пёхать по грязи – удовольствие сомнительное. Поэтому решили дожидаться поезда. Жинтарас задремал в зале ожидания на вокзальной скамейке, а Мардан от нечего делать пошел бродить по вокзалу в поисках приключений на свою неугомонную задницу.

Приключения не замедлили нарисоваться в виде милицейского патруля, состоявшего из двух сержантов в темно-синих шинелях с красными петлицами. Подозрительно принюхиваясь к Мардану, милиционеры вежливо, но твердо предложили пройтись «до дежурного вид-дилення».

Весь 1958 год в СССР прошел под знаком борьбы с пьянством и самогонварением. В секретном докладе министра внутренних дел СССР Дудорова приводились вопиющие факты. Целые деревни превратились в предприятия по изготовлению самогона. Рабочий день в колхозах, заводах и даже в госучреждениях начинался и заканчивался одинаково: со стакана горилки. Особенно широкий размах самогонварение приобрело на Украине, где горилка отгружалась целыми бидонами и флягами из под молока, бочками и цистернами из под солярки.

Каким же темным и глупым был советский народ – ему через 20 лет коммунизм обещали, а он таким безобразием занимался! Потому-то самый главный на то время коммунист Хрущев заявил на всю страну на слете передовиков сельского хозяйства в Минске: «Пришло время резко поставить вопрос о борьбе с пьянством, а также с теми, кто гонит самогон».

Вот милиция и усердствовала, устраивая повсеместно рейды и облавы.

– Значит, вы, гражданин, утверждаете, что не пили самогон? – пытал Мардана в дежурной комнате милиции железнодорожного вокзала усатый «литёха», пытаясь через него выйти на подпольных самогонщиков.

– Так тушны, товарищ старший лейтенант, нищаво не пил, – по-военному отрапортовал задержанный.

– А мы вот сейчас экспертизу проведем, – пугал милиционер.

– Айдагез, пажалуста, – Мардан не боялся, что его обвинят в том, что он в нетрезвом виде расхаживает в общественном месте, хмель уже почти выветрился, и он держал себя в руках.

Мардан опасался другого – не сдал ли их ментам человек с черной бабочкой – официант ресторана «Шахтер»? Правда, Мардан скрыл, что они с Жинтарасом работают на водоканале. Однако, учитывая их внешний вид и литовско-татарское произношение, не трудно было догадаться, что первое место, где их будут искать – это вокзал.

– А ты откуда сам то будешь, землячок? Не из Казани, часом? – слышав татарский акцент, вдруг сменил тему разговора старший лейтенант.

– Казаннан мин, Казаннан, – быстро и радостно подтвердил Мардан.

– В самой Казани живешь? А где?

– Нахальный поселок.

– Что то я не слышал о таком.

– Как не слышал, нащальник! Джиляк бистасы – Ягодная Слобода.

– А-а, это от Декабристов по Тверской вниз?

– Тушны, вниз под горка.

– А у меня мама в Слободе Восстания живет, – в голосе лейтенанта слышались ностальгические нотки. – Давно был в Казани?

– Тульки приехал, сичас обратно еду, – соврал Мардан.

– Ждешь поезд на Сталино?

– Так тушны, – опять соврал землероец, на самом деле он ждал электровоз, идущий в обратном направлении из Сталино в Красный Лиман.

– А в Горловке что делал?

– Абый, дядя, у меня тут шахтером работает. Кустанаш, гостинцы из Казани привез – казылык, ичпычмак, чак-чак...

– О! От татарских треугольников я бы тоже сейчас не отказался...

В дежурке зазвонил телефон. Лейтенант взял трубку и тут же вскочил, как будто из сиденья табуретки неожиданно вылез гвоздь:

– Слушаю, так точно!.. Есть, понял, от полковника Пономаренко, – и прикрывая трубку ладонью, приказал одному из сержантов: – Гаврилюк, быстро садись, пиши.

Старший лейтенант стал вслух повторять телефонограмму, передаваемую дежурным помощником начальника Горловской милиции, а сержант записывал:

– Ресторан «Шахтер»... Официант Кудло... Предполагаемое направление – Сталино... Особые приметы...

Мардан от страха чуть в штаны не наложил:

– Кардаш, – шепотом обратился он к милиционеру, – Товарищ лейтенант, ну я... эта... я пошел, да?

Тот лишь поспешно замахал рукой, дескать, давай, чеши отсюда, не мешай, видишь, срочное дело, не до тебя сейчас...

Мардан мухой вылетел из дежурки. На миг притормозил возле привокзальных дверей, которые располагались как раз напротив дежурки. Бежать дальше прямо к выходу или сначала разбудить Жинтараса? Каждая секунда была дорога! Менты через пару минут поймут, что отпустили «ресторанных кидал» и бросятся в погоню. Мардан все же взял вправо, в зал ожидания. Быстро подскочил к скамейке, на которой мирно сопел Жинтарас, не подозревая, какая им грозит опасность, и стал его тормошить:

– Жека, вставай, быстро! Уходим, пока лягавые не замели!

Кем был доблестный старлей бдительной Горловской милиции: казанским татариним или русским казанцем? Это уже не важно. Кем бы он ни был, через 25 минут наши друзья уже были далеко и от Горловского вокзала, и от самого шахтерского городка. Они вышагивали в кромешной тьме вдоль железнодорожного полотна в направлении Пантелеймоновки и, утопая по уши в грязи, громко пели:

По тундре, по железной дороге,
Где мчится поезд
«Воркута – Ленинград».
Мы бежали, два друга,
Опасаясь тревоги,
Опасаясь погони
И нагана разряд.

Летопись Ханифа

Нукеры болгарского эмира гнали лошадей во весь опор, часто меняя их на почтовых станциях – ямах. От Нур-Суvara до столицы Булгарского юрта три дня пути. Но офицеры эмира Бараджа домчали меня до царской ставки за двое суток.

Что за спешка? Для чего я, 17-летний юнец, по имени Ханиф ибн Гази, скромный шакирд академии Дарь аль-улюм, мог понадобиться правителю страны?

Мятеж, в результате которого на царский престол пытались возвести престарелого сеида Кул Гали, был подавлен. В Нур-Суvаре все было тихо и спокойно. Бунтовщики наказаны и брошены в зиндан «Шайтан бугаз», но главные организаторы неудавшегося переворота Боян и Исмаил помилованы. На этом настоял эмир Барадж, увидев, как те, обвязав себя веревками в знак подчинения, вышли из города. Субедей – главный бахадир Татар – удивился мягкости эмира. На что Барадж прилюдно ему ответил:

– Если я буду истреблять своих лучших беков и казаков, как я смогу управлять страной?

Думаю, что Субедей ничего не доложил об этом неприятном инциденте хану Батью, занятому в то время западным походом, дабы не отвлекать его от столь важного военного мероприятия.

... Издали засверкал полумесяц главного минарета Великого Болгара, проявились башни новой еще недостроенной Соборной мечети, показались каменные палаты эмирского дворца и его беков, черепичные крыши купеческих и ремесленных кварталов...

А вот вддали засинели волны могучей Итили. На высоком берегу реки, к северу от главных ворот Болгара, располагалась большая царская юрта, куда, не заезжая в город, и свернул наш отряд. Над золоченной юртой развевались красные, желтые, черные, зеленые ленточки и гордо реял разноцветный Дракон, размахивая своими огромными перепончатыми крыльями. Летняя резиденция эмира, по давней хонской традиции, располагалась в степи, по вольным просторам которой тоскует душа каждого степняка.

Спешившись и передав лошадей подбежавшим джурам, мы направились к царской юрте. На значительном расстоянии от нее, сняв тюбятя и засунув их себе подмышки, мы замерли в почтительном ожидании. Главный нукер, пошептавшись о чем то с охраной, подбежал к южному входу царской палаты докладывать эмиру о нашем прибытии.

Эмир Барадж не сразу принял доставленного к нему шакирда, сначала меня отвели в гостевую юрту, где уже был накрыт праздничный дастархан. Но ни фрукты, ни орехи не лезли мне в горло. Облокотившись на мягкие подушки, я предался тягостным раздумьям: зачем меня вызвал к себе эмир Барадж?

Шакирд то я был шакирд, да не такой уж и простой. Мой прадед Отяк, двоюродный дед Чельбир и мой отец тоже, как и Барадж, были в свое время эмирами Булгарского юрта. То есть я являлся наследным принцем, причем враждебного по отношению к Бараджу дома. Барадж принадлежал к царской династии Азановичей, а мы – к Ашрафидам. И между этими двумя домами всегда шла ожесточенная война. Особенно непримиримой она была во время правления Чельбира – Бараджу даже пришлось выехать за пределы страны, он тогда занял пост улугбека одного из зависимых от него урусских городов.

Когда Чельбир умер, и его место занял мой отец, Барадж вернулся на Родину, поскольку ему уже никто не угрожал.

Мой отец был мягким и гуманным правителем, сеидом-имамом он сделал своего друга Кул Гали – знаменитого сказителя и поэта, известного своей сильной привязанностью к Арабской вере. Кул Гали оказывал большое влияние на моего отца. Вдвоем они начали проводить реформы, чтобы облегчить жизнь простого народа: снижались налоги, облегчалась воинская повинность, большие льготы предоставлялись купцам и ремесленникам. «Черный люд» – чир-

мышь – переводился в привилегированный разряд. Но при условии, что все они откажутся от своей родной веры, веры в Тенгри и перейдут в Арабскую веру.

Эмир Гази правил недолго, я думаю, что моего отца отравили. Кто? Это большой вопрос, на него, похоже, уже никогда не получить ответа.

Когда эмир Гази умер, мне было года три-четыре, и я отца почти не помню. Кул Гали женился на овдовевшей Салие, в которую был давно, как выяснилось, тайно влюблен. Салия бикэ не была моей матерью, я родился от другой жены эмира Гази, не наложницы, а законной жены. Но она ушла в лучший мир еще раньше мужа, и в моей памяти не осталось даже смутного представления о моей матери, пусть Тенгри помилует ее душу в ссудный день.

В общем, я остался сиротой.

Мой прадед Отяк был женат на дочери бурджанско-кавказского вождя кыпчаков Башкорта. Моя рано умершая мать тоже была из этого рода. Бурджанские родственники забрали меня к себя. В Болгаре бывать с тех пор мне приходилось редко. Я вырос в степи и горах – и они прочно поселились в моем сердце. Можно сказать, меня воспитал мой дед Альмат по материнской линии, замечательный чичен – сказитель, когда то бывший великим воином. Представится случай, я обязательно еще расскажу об этом удивительном человеке, которому я многим обязан в своей жизни. Именно дед Альмат настоял на том, чтобы я поехал учиться в Нур-Сувар в Дом науки.

Я вел скромную жизнь шакирда, с увлечением познавал арабский и персидский языки, добросовестно извлекал алгебраические дроби, с восхищением наблюдал за жизнью небесных светил в астрономической обсерватории, и не лез ни в какие сомнительные дела. Вряд ли эмир опасается меня, как претендента на царский престол. Да, мой отец был эмиром, да, нур-суварцы после его смерти хотели видеть эмиром Кул Гали – автора популярной в народе поэмы «Сказания о Юсуфе», и затеяли бунт... Но причем тут какой то забытый всеми отпрыск, выросший в горах и степи, вдали от царского дворца и его интриг?

Я вяло поклевывал из китайской расписной вазы сладкий сушеный виноград, доставленный из благословенного Мавераннахра и мучительно размышлял.

Какую опасность или угрозу я мог представлять для дома Бараджа? За мной кроме моих далеких бурджанских родственников никто не стоял. И потом я был еще слишком юн. Есть более достойные и зрелые кандидатуры на трон эмира, в том числе из царского дома Ашрафидов. Многочисленная родня Алтынбека и Чалмати давно рвется к власти. Алтынбеку удалось даже в свое время ненадолго захватить власть в Булгарском юрте, но Бараджу с помощью хана Джучиевой юрты Батыя и Верховного кагана Татарской Державы Угедая – наследника Великого Чынгыза – удалось его сбросить. Кстати, Алтынбека так же, как и Чалмати, поддерживал «Эль-Хум», несмотря на то что первого из них подозревали в тайных симпатиях к Православной вере.

Может, эмир хочет через меня выведать о тайных планах этого общества, оно ведь как раз гнездится в Дарь аль-улюм.

Навряд ли. Тайное общество «Эль-Хум» теперь не такое уж тайное и грозное, каким было раньше. Активным участником и даже руководителем одного из его подразделений когда то был сын знаменитого арабского путешественника и миссионера ал-Гарнати. Сам миссионер уехал, а вот сына оставил. Для каких целей? Возможно, как раз для того, чтобы возглавить «Эль Хум» и, захватив власть в Булгарском юрте, полностью подчинить его арабскому халифу. Но это только мои досужие домыслы. Как было на самом деле, ведает лишь один Тенгри.

Еще полвека назад Чельбир разгромил «Эль-Хум», сын ал-Гарнати погиб. Правда, булгарскому эмиру не удалось тогда до конца расправиться с тайным обществом, его поддерживали не только арабы, но и бухарский Орден Нашкабандия. Когда Чельбир после 50-ти летнего бессменного правления умер, мой отец эмир Гази пришел к власти не без поддержки этих скрытых, но влиятельных сил.

Впрочем, это дела уже давно минувших лет. Нет, интерес эмира Бараджа к моей скромной персоне вызван чем то другим...

Мои размышления прервал посылный:

– Тебя хочет видеть эмир!

Эмир Барадж принял меня не в юрте, а на берегу реки Итиль, на зеленой полянке, устланной роскошным персидским ковром, достойном быть украшением дворца сасанидских шахов. На нем располагались разнообразные яства и угощения. Красный огненный шар катился к закату, дневная жара начала спадать, с реки повеяло живительной прохладой. Там, внизу, за пристанью, у белокаменных стен Болгара затихал шумный многоголосый Ага-базар – торговцы грузили свои товары на выючных верблюдов и отправлялись в местные караван-сарай и чай-ханы подсчитывать вырученные барыши.

Расспросив о моем здоровье и здоровье еще об одних моих балкаро-кумыкских родственников, которые жили в низовьях Итиля в предгорьях Кавказа, эмир стал интересоваться моими успехами в академии Дарь аль-улюм, куда был определен новый настоятель – сеид Кылыч. Я внутренне напрягся – неужели подтверждаются мои худшие опасения по поводу общества «Эль Хум»? Может, кто то донес правителю о моем мнимом участии в его делах – шпики у эмира хватает.

– Когда я был таким же молодым, как и ты, я ведь тоже хотел учиться в Дарь аль-улюм, – вдруг неожиданно признался Барадж. – Но отец не разрешил, дескать, нахватаешься там всяких вольных идей, и потом, когда придет время, не сможешь управлять страной. Он считал, что дети эмиров не должны посещать Дарь аль-улюм.

Я напрягся еще больше – к чему это клонит Барадж? Но виду не подавал, даже осмелился возразить:

– А вот мой отец учился в Дарь аль-улюм, и был хорошим эмиром.

– Да нет, я ведь ничего против твоего отца не имею, я это так, к слову сказал, – как будто замялся мой сановитый собеседник и твердо добавил: – Эмир Гази был достойным правителем, пусть Аллах определит ему место в джаннат – раю.

Барадж пил араку – молочную водку, а я довольствовался кумысом. Кажется, эмир настроился на долгую беседу, причем без свидетелей – рядом даже прислуги не было, она держалась в отдалении. Что же все таки ему от меня нужно?

Разговор опять перешел к моей учебе. Я, вступив на дерзкую волну, не мог остановиться и заявил, что акаид – богословие и ал-джебр – алгебра мне не по душе.

– Почему? – учтиво спросил Барадж, не замечая моего нервного тона.

Я сказал, что разбирать тафсир и другие религиозные премудрости Арабской веры мне неинтересно. Что касается математики, то это, конечно, необходимая наука, но она больше полезна для купеческого и ремесленного сословия. Мне же нравятся астрономия, тарихи – история и маданият – литература.

– И какие исторические труды ты сейчас изучаешь, мой юный друг? – оживился эмир.

– «Таварихи Булгария» Якуб Нугмана.

– Похвально, Ханиф. Я тоже люблю историю. И, возможно, когданибудь напишу свои воспоминания, – задумчиво произнес Барадж.

«Любопытно было бы почитать, – подумал я про себя, – что ты там напишешь, особенно про моего отца?»

– А как ты относишься к дастанам? – продолжил между тем разговор эмир. – Вот скажи ка мне, Ханифжан, кому принадлежат эти печальные строки:

Богатство, власть, жена и дети,

Нужны тебе на этом свете.

На тот – и бедный и богатый,

Уйдет один, без провожатых.

Барадж, как выяснилось, владел многими языками, кроме родного тюрки, арабского и фарси, он понимал еще и по-альмански (германски), поскольку мать его была мадьяркой и жила раньше в Алмании. Эмир читал стихи на фарси, я с трудом улавливал лишь отдельные слова «старость», «бедность», «богатство»... Я честно признался, что пока еще не так хорошо изучил персидский, как арабский.

– Стыдно, юноша, воспитаннику Дарь аль-улюма такого не знать! Это же гянджийский бек Низами, украсивший сад поэзии прекрасными цветами своих дастанов, – вдруг перешел на пышный витиеватый слог персидских стихотворцев эмир.

– Действительно, как же это я не почувствовал чарующее дыхание автора боговдохновенного дастана «Лейли и Междун»! – в тон Бараджу, немного деланно и игриво, воскликнул я (впрочем эмир никакой иронии не уловил, или сделал вид, что не уловил).

Запинаясь и вспоминая на ходу персидские слова, я прочитал короткий отрывок из этой поэмы:

Поверь, что не виновен я нисколько
Ни в участи своей, ни в жизни горькой.
Не приведут усилья ни к чему.
Я сам себя швырнул навеки в тьму.
Барадж задумался, а потом продолжил декламацию:
Не плачь, когда быть одиноким больно.
А я – никто. Я близко – и доволью.
Не плачь, что в одиночестве убог.
Запомни: одиноким близок Бог.

Похоже, мой начитанный собеседник захмелел, – беседуя со мной, он не забывал время от времени прикладываться к большой, инкрустированной алмазами серебряной чаше, до краев наполненной молочной водкой. Признаюсь я тоже немного расслабился, словно разговаривал не с грозным эмиром, а со своим ровней, шакирдом из академии. То ли кумыс на меня так подействовал, то ли вкрадчиво-ласковые речи Бараджа. Держался он по-свойски, можно сказать, по-родственному. И как то запросто, доверительно, по-мужски поделился подробностями своего давнего посещения Гянджы – родины знаменитого азербайджанского поэта.

– Я тогда был чуть постарше тебя и напросился в эту поездку у отца. Дело в том, что гянджийскому беку Низами, дастанами которого я в ту пору зачитывался, подарили красавицу рабыню. Кстати, рабынями приторговывал отец Кул Гали – богатый болгарский купец. В Гянджу красавица попала не сразу, сначала она досталась одному вайнахскому беку, а он уже уступил ее Низами Гянджави...

Я не буду занимать внимание читателя юношескими воспоминаниями эмира Бараджа и опущу эту часть. По правде говоря, я хорошо их и не помню. Ведь сейчас, когда я пишу эти строки и нанизываю на четки своего повествования бусинки событий, извлекаемые из запыленных сундуков своей уставшей памяти, я давно уже разменял десятый десяток и приближаюсь к вековому рубежу. События, которые я здесь описываю, происходили более 70 лет назад, в 711 году по хиджре (1241 г. по милади), никого из поминаемых мною лиц уже нет в живых, и потому, возможно, я не всё смогу вспомнить с достоверной точностью. За что прошу, не судить меня слишком строго. Но за непредвзятость и искренность своего рассказа я ручаюсь.

...Вернемся к нашему разговору с эмиром Бараджем. Постепенно я стал понимать, для чего он его затеял. Через меня эмир добирался до друга моего отца – Кул Гали, жившего после падения Биляра и неудавшегося переворота уединенной жизнью в Алабуге.

Когда Кул Гали провозгласили правителем страны с сохранением титула сеида, он, не покидая Алабуги, объявил Татарам газават – священную войну и подготовил по этому поводу специальный фирман. И если бы не вмешательство эмира Бараджа, Татары непременно бы расправились с мятежным сеидом.

Барадж спасал Кул Гали дважды. Первый раз – во время осады Татарами Биляра, в обороне которого участвовал и сеид. Завидев в толпе пленных Кул Гали, эмир Барадж закричал: «Его нельзя казнить, он верховный сеид всех болгар. Если вы его убьете, то вас постигнет страшная кара!» И присутствовавшие при этом Батый хан, и багатуры Сабату и Менке, и внук великого кагана Утедея – Гаюк (ставший впоследствии сам правителем державы Татар) – все они в суеверном ужасе отшатнулись. Кул Гали спасся, но его внук и жена Салия бикэ (моя мачеха) погибли...

Похоже, зная о близких отношениях наших домов, Барадж хотел через меня установить контакт с опальным, но все еще влиятельным сеидом. Отсюда и его интерес к поэзии, – эмиру как то плавно и естественно нужно было перейти к интересующей его теме. Когда эмир спросил, нравится ли мне дастан Кул Гали «Кыссаи Йусуф», я сказал, что нет. Я объяснил свое неприятие тем, что в поэме много богословских сюжетов, в которых я плохо разбираюсь (тогда я действительно плохо в них разбирался), и они кажутся мне скучными. Зато я высоко отозвался о произведении «Шан кызы дастаны» Микаэля Башту, пусть несколько фантастическом, но подробно рассказывающем о древней истории тюркских и болгарских племен.

Эмир Барадж опять задумался, но от намеченного плана отходить не стал. Он моментально отрезвел, а может, и не пьянел вовсе, а только притворялся.

– Первое, сынок, о чем я тебе хочу сказать, – твердо и проникновенно произнес Барадж, – я не убивал твоего отца. Запомни это, я говорю сущую правду, клянусь Тенгри!

– А кто его убил? Он ведь умер не своей смертью. Его убили?

– Я не могу тебе сказать... Я сам еще до конца не уверен... Возможно, когда нибудь ты сам во всем разберешься (забегая вперед, должен сказать, что разобраться в этой темной истории с гибелью моего отца мне так и не удалось, хотя я и предпринимал для этого огромные усилия).

После этого Барадж горячо и быстро начал объяснять, зачем он позвал меня к себе. Эмир хотел поручить мне одну очень важную, государственного значения, как он выразился, миссию, от успеха которой зависит, возможно, будущее страны. Эмир говорил долго и страстно, словно выдавливая из себя накопившуюся боль, временами мне казалось, что он даже не замечает меня, ему просто нужно было выговориться. Я уже не помню в деталях – столько лет прошло! – все то, о чем говорил Барадж, но основные моменты его пламенной речи постараюсь воспроизвести.

Мне показалось, что эмира раздирали муки совести. Дело в том, что Барадж воцарился на болгарском троне с помощью безжалостных Татарских мечей и стрел. Все об этом знали, и многие считали его предателем. В Дарь аль-улюм я слышал рассказ о том, как Алтынчач – дочь свергнутого Алтынбека – нанесла визит в царскую ставку. Когда удивленный Барадж спросил, что ей угодно, гордая принцесса смело ответила:

– Ты – баба, а не мужчина! Поэтому мой отец послал меня, женщину, чтобы передать тебе Указ, в котором ты объявлен врагом ислама и изменником Отечества!

Говорят, Барадж в ответ лишь усмехнулся и спокойно ответил:

– Передай отцу, что спасутся только те города, которые мне беспрекословно подчинятся, остальные же подвергнутся нападению Татар и будут безжалостно уничтожены.

При штурме Биляра Алтынбек был изрублен на куски воинственными туркменами, входившими в состав Татарского войска. Судьба принцессы Алтынчач неизвестна. Одни утверждают, что своими глазами видели, как она сбросилась с минарета и разбилась насмерть. Другие клятвенно заверяют, что сардару Бачману удалось прорваться через вражеское кольцо и

вывести Алтынчач из осажденной столицы. Бачман потом еще долго будет досажать своими дерзкими вылазками, пока его не поймут на одном из островов Итиля, для чего Татарам придется построить целый флот. Но принцессу так и не найдут...

С высокого минарета Соборной мечети протяжно и певуче пропел азанчи, приглашая правоверных на ясту – ночной намаз. Его красивый сильный голос донесся и до царской ставки. За беседой мы и не заметили, как на землю спустилась ночная мгла и слуги зажгли факелы вокруг открытой беседки, в которую мы перебрались. Барадж не выказывал ни малейшего намерения совершить обязательный вечерний обряд, предписанный всем последователям Арабской веры. Он слишком был увлечен разговором.

Вернемся и мы к нему. Когда дошла весть о приближении Татар, урусские беки, по словам Бараджа, этому сильно обрадовались и организовали поход на Казань.

– Я был на вершине отчаяния, поскольку улугбеком Казани в ту пору был мой сын Хисам, – с горечью вспоминал эмир.

А сам Барадж тогда возглавлял один из урусских городов, ему удалось спасти сына, но пришлось бежать на Восток к Татарам. Батый, как утверждает эмир, был на грани отчаяния, был даже готов наложить на себя руки, потому что терпел одно поражение за другим и ждал подкрепления от верховного хана Утедея. Когда Барадж прибыл в ставку хана, то Батый, со слов эмира, «обезумел от радости» и принял его со всеми почестями, поселил в отдельную юрту, предназначенную для самых сановитых гостей из Дома Чынгыза.

– Что ты хочешь от меня? – спросил Батый.

– Разве ты уже стал Верховным каганом? – не отвечая, сам задал вопрос Барадж.

– Нет, каган – Утедей, а я только его ставленник в Кыпчакском юрте.

– Тогда на твой вопрос я отвечу Утедею.

... Утедей встретил гостей верхом на лошади возле своей «золотой юрты». Батый, со слов эмира, «упал ниц лицом к ногам его лошади», а сам Барадж лишь вежливо поклонился Верховному кагану.

Беседа двух правителей состоялась в красиво убранной летней беседке на живописном холме. Джурь Верховного кагана оцепили кольцом беседку. Как утверждает Барадж, беседа проходила без посредников. Сначала с ними был переводчик, но потом, когда выяснилось, что Утедей говорит на одном из тюркских наречий, талмач был удален.

Каган восхитился ответом Бараджа Батью («Разве ты уже стал Верховным каганом?»), о чем ему, конечно, уже донесли:

– Ты великий каган, если так сказал!

– Я всего лишь эмир, – скромно заметил Барадж, отдавая себя отчет, что перед ним сидит сын самого Чынгыза – основателя одной из самых могущественных Держав, существовавших когда либо на Земле.

– Откуда идет твой род?

– От правителей хонов.

– Наш род тоже идет от правителей хонов. Ты должен занять в нашей Державе достойное место. Ты хочешь сесть на трон своего отца?

– Да, но тогда тебе придется заключить со мной союз.

– Считаю, что такой союз уже заключен. Я признаю тебя эмиром Булгарского юрта, помимо этого ты будешь нашим послом с Западом.

Слушая рассказ Бараджа, я пребывал в сильном волнении. В моем возбужденном мозгу роились бесчисленные вопросы, я не удержался и спросил:

– А мои предки – отец, дед и прадед Отяк – тоже идут от правителей хонов?

– Да, – подтвердил Барадж. – И прежние великие цари – и Мете, и Атилла, и Кубрат – все они из рода хонов.

Мой юношеский патриотизм был уязвлен, я в сердцах воскликнул:

– Если мы приходим от одного и того же царского рода, почему правитель Булгара – только эмир, а правитель Татар – каган!

– Таковым было условие Угедя, – сухо произнес Барадж. – Но назначив меня послом с Западом, Верховный каган оказал мне большую честь, он принял меня в правящий Дом Мунгул. Я единственный нечингизид в этом Доме. И мой статус посла Верховного кагана выше ханского, ибо я не подвластен ни одному Татарскому хану из Дома Мунгул.

– И Батью тоже?

– И ему тоже, я исполняю приказы только Верховного кагана.

И, не обращая внимания на мои дальнейшие расспросы, даже будто не замечая меня самого, эмир начал рассказывать о своем «веще сне», который он видел, еще будучи урусским улугбеком.

– Мне приснилось, будто я стою на пепелище разрушенного Булгара, и сам Тенгри велит мне спасти страну от опустошительного набега Татар. Приехав в ставку Верховного кагана и увидев, какой реальной мощью обладают Татары, я еще больше убедился в правильности своего решения. Я пошел на сделку с Угедеем не для собственного возвышения и спасения, а для спасения Отчизны от бессмысленной гибели в столкновении с Татарами. Хотя многие думают по-другому.

Помолчав, Барадж повелел:

– Я хочу, чтобы ты поехал к Кул Гали и передал ему наш разговор. Он очень хорошо относится к вашей семье, возможно, он тебя выслушает. Скажи ему, что я хочу предложить ему снова стать главным сеидом всего Булгарского юрта, поскольку он пользуется в народе непререкаемым авторитетом. Если Кул Гали проявит мудрость и, отбросив свое предвзятое отношение ко мне, примет мое предложение, то это поможет укрепить единство народа и укрепит наш юрт.

– Когда выезжать?

– Немедленно.

Глава 2

1

А теперь, руководствуясь принятым планом, нужно отмотать ленту истории ровно на 44 года назад с того момента, когда Мардан Рыстов со своим литовским другом Жинтарасом убежали по железнодорожным шпалам от милицейского патруля в шахтерском городке Горловка...

Чем тогда, ранней осенью 1914 года были заняты представители двух славных родов Утэков и Рыстов? Находились ли они в полном здравии или мучили их какие хвори, чему они радовались и о чем печалились? Какие еще пакости немилосердная судьба уготовила многострадальному татарскому народу?..

В начале осени 1914 года в магометанском приходе аула Уразлы Царевококшайского уезда Казанской губернии происходило вот что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.